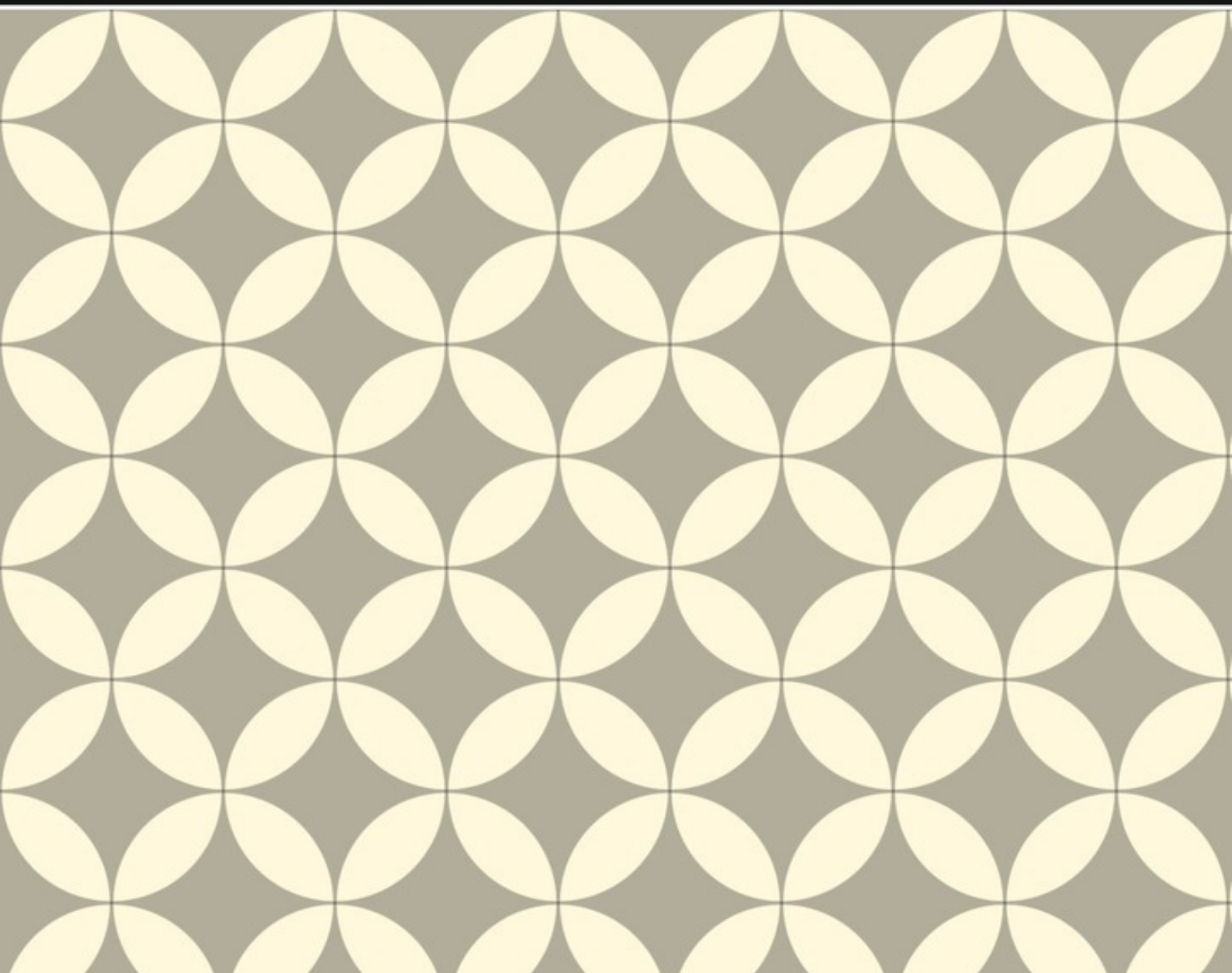

Владимир Якубец

*Второе
пришествие*

Владимир Якубец
Второе пришествие

«Издательские решения»

Якубец В.

Второе пришествие / В. Якубец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966646-8

Эта книга представляет собой попытку автора отразить движение противоречивой человеческой природы от бессмыслия к великому смыслу. Благодаря полифоничной структуре фабулы в это произведение просачивается исторический, мистический, эзотерический, философский и даже поэтический аспекты. Стеб и серьезность, быт и романтизм, жизнь и ее сюрреалистическое отражение — таковы объективные реалии этой книги. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966646-8

© Якубец В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ №1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Второе пришествие

Владимир Якубец

© Владимир Якубец, 2019

ISBN 978-5-4496-6646-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман в четырех частях

*Этот скромный труд посвящается, во-первых,
тем страдальцам, которые пролили свою горячую
кровь за правду, добро и свободу;
а во-вторых, тем миллионам простых людей,
которые разделяли со мной бремя моей судьбы
в моих земных скитаниях.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта история может показаться вам невероятной, абсурдной и даже нелепой, но, несмотря на некоторую фантастичность формы, она представляет собой чистую правду, описание которой потребовало от меня гибкого выведения психологической субъективности личностных переживаний, свойственных человеческой природе, через образ фантазмагии в какой-то мере выдуманного, но всё же пережитого и прочувствованного бытия.

Было бы наивно и опрометчиво думать, что глубокомысленный читатель не засмеётся над некоторыми, слишком уж вычурными, изгибами сюжета. Сознаю это. Впрочем, я готов и сам надо многим смеяться, но лучше воздержусь, ибо из опыта знаю, что то, над чем мы зачастую смеёмся, в конце концов, оказывается насмешкой над нами же, ибо всё есть во всём, а любое в любом.

Предвижу также, что мне (автору) не суждено будет избегнуть читательской критики, а вместе с ней многих параллелей и сравнений, тем паче, что требовательный и глубокомысленный читатель имеет на это полное право. Заранее предвкушая все неблагоприятные отзывы, а может быть, даже и освистание, я всё же тешу себя надеждой, что для кого-то мой скромный труд окажется не лишённым интереса и смысла.

Есть ещё одно обстоятельство, которое, с учетом всего вышесказанного и ввиду дальнейших описываемых событий, нуждается в особом разъяснении. Обстоятельство это – исключительное и несколько необычное положение тех условий, в которые попал человек, со слов которого и написана эта история. Человек этот давно умер. А свою историю он мне рассказал уже после своей смерти. Понимая всю экстравагантность и необычность этого факта, я прошу читателя, ради памяти к покойному, выказать снисходительность к перипетиям повествования и, хотя бы на время, отказаться от реалистической точки зрения, чтобы с успокоенным духом погрузиться в мистические метаморфозы конкретного человеческого сознания.

ЧАСТЬ №1

- Ты веришь в Бога?
 - Не знаю...
 - Почему?
 - Потому, что я его в лес выгнала!
- Из разговора взрослого
с маленькой девочкой.

Я не знаю, как я попал сюда, всё здесь было каким-то странным, хотя все выглядело обычным: аллея, по сторонам которой росли старые липы; цветник перед домом; сам дом: маленький, деревянный, старый, вокруг обросший кустами смородины и шиповника. Но, не смотря на прозаизм окружающих видов, что-то в глубине души подсказывало мне, что я попал в необычное место, – уж слишком сладок был здешний воздух, да и птицы пели вокруг глубоко и упоительно, как-то не так, как они поют на земле.

Я прошел через аллею и подошел к дому; ставни в доме были открыты. Я начал обходить вокруг, чтобы найти двери, но вместо дверей я увидел только порог и дверной проем, – самих дверей не было, хотя на дверной коробке, где они должны были находиться, висели ржавые петли, которые свидетельствовали о том, что двери когда-то тут были.

Постояв с минуту перед порогом в каком-то странном недоумении, я, почему-то робко, позвал:

- Эй, есть здесь кто-нибудь?!

Не успел я произнести эту фразу, как тут же услышал позади себя голос:

- Иду, иду, милый... уже иду!

Я обернулся и увидел, что через сад ко мне идет старик. Он был лыс, но имел чрезвычайно густую и белую бороду. Одежда его была по-деревенски проста и неказиста, и состояла из какой-то светлой рубахи и старых, во многих местах латаных, штанов военного покроя. Старик был бос, а в руках держал дымящийся дымарь для окуриванья пчёл.

- Здравствуй, отец, – сказал я ему, когда он приблизился.

– Здравствуй, милый, здравствуй, – ответил старик, при этом всё лицо его осветилось улыбкой. Это меня несколько ободрило.

– Вы меня извините... точнее, поймите правильно, – начал говорить я, путаясь и тщательно подбирая слова от боязни быть не понятым, – дело в том... гм... как бы это вам объяснить... одним словом, вы не могли бы мне сказать, где я? Я хотел бы знать, что это за место?... то есть, где я сейчас нахожусь?

К моему удивлению эти нелепые вопросы не произвели на старика решительно никакого впечатления. По-прежнему продолжая улыбаться, он ответил:

- Иногда, чтобы понять где ты, нужно знать кто ты.

– Кто я? Я ... – тут в моей голове произошло внезапное озарение, в том смысле, что я, несомненно, понял, что сказать мне про себя нечего, настолько нечего, что я растерянно пролепетал:

– Я... я... я не знаю кто я.

– Плохо родненький, плохо, – произнес старик, сокрушенно качая головой, — а имя своё-то ты помнишь?

– Андрей, – выговорил я, сам удивляясь тому, что в моей голове, не смотря на полное отсутствие какой-либо информации о себе, всё же сохранилась память о том, как меня зовут.

– Вот и слава богу! Вот и славно! А то, бывает, приходят и даже имени своего не помнят, приходится потом сверяться по бумагам.

Я посмотрел на него в недоумении, совершенно не понимая о чем он говорит, а он вдруг, хлопнув себя ладонью по голове, воскликнул:

– Эх, что же это я, гость пришел, а я, вместо обеда, его разговорами потчую!

Сказав это, он развернулся и медленно побрел в глубину сада, но пройдя несколько шагов, он остановился, обернулся ко мне и произнес:

– А ты что стоишь... пойдём, пойдём... отведаешь мой хлеб и мою соль.

Я, ни говоря ни слова, пошел за этим странным стариком. Все в моей голове путалось: где я? кто я? что все это значит? Словно туча назойливых комаров зажуужали у меня в голове эти вопросы, впрочем, душе моей было легко, ибо в сердце моем была какая-то тихая радость, источник которой, быть может, был связан с царившим у меня в сознании забвением.

Сад разделялся тропинкой на две части. В одной его части под деревьями стояли улики, из которых с веселым гудением вылетали дружные пчелы. В другой его половине, на четырех толстых деревянных столбах, стоял какой-то навес с тростниковой крышей, который абсолютно не имел стен, но который был довольно просторным, просторным до такой степени, что под этим навесом свободно помещалась печка-плита, на которой, судя по всему, дед готовил себе пищу, и еще два стола: один заставленный кухонной утварью, а другой полностью пустой. Здесь же, под крышей, висели листья табака и несколько вязанок горького перца и лука. Возле пустого стола, по обе его стороны, стояли две скамейки. Неподалеку от навеса находился выдавший виды рукомойник с покосившимся зеркалом и медным бачком для воды.

– Ты, Андрюша, покамест суть да дело, возьми ведро и сходи, принеси водицы, – сказал старик и тут же добавил, – а то мне с этими пчёлами не досуг было, хотя я еще утром хотел принести.

– А где воду брать?

– Вода в колодце, это в конце сада.

Я взял ведро и отправился через сад к колодцу. Ходить по саду вообще приятно, но особенно это чувствуешь, когда в саду наступает время созревания плодов. Сейчас была как раз

эта пора. Все радовало глаз: и яблони с тугими начинающими наливаться сладостью яблоками, и груша с падающими на землю от спелости плодами, и желто-розовый цвет медовых слив.

У самого колодца рос персик – он цвел. Я онемел от удивления. Постояв немного возле цветущего дерева, я, все еще не переставая удивляться, начал опускать ведро в колодец. Набрал воды, я пошел назад.

– О, а вот и он. Ну что, принес? – спросил меня старик с приветливой улыбкой. – Я уж было думал, что ты заплутал. Я тут уже и на стол успел накрыть, – и он указал на стол, на котором уже успели появиться тарелки, нарезанный хлеб, пучок зеленого лука и чугунная кастрюлька из которой шел аппетитный пар.

– А что это у вас тут персик цветет? – спросил я старика, все еще держа ведро с водой в руках; этот цветущий персик почему-то не выходил у меня из головы.

– Что же здесь такого? У нас всегда либо лето, либо весна, – чаще и то и другое вместе, – ответил мне дед.

– Да я так... просто спросил.

– Ты, вот что... воду в рукомойник налей, руки надо помыть. Вот мытье рук вроде бы и пустяк, а между тем это делает из человека цивилизованное животное, – сказав это, старик посмотрел на меня так задумчиво, что мне на какое-то мгновение показалось, что этому старику на тысячу лет вперед известно то, что я отвечу.

– Воду-то наливай, что ты на месте застыл!

Я наполнил рукомойник, поставил ведро и начал мыть руки.

«Странно, – проговорил я про себя, – такое ощущение, что это какой-то сон». Впрочем, думал я недолго, голос деда вдруг вернул меня в реальность:

– Ну что, садись к столу, наверно проголодался!

Он начал разливать похлебку по тарелкам.

– Мне почему-то кажется, что я здесь не даром... как будто мне кто-то когда-то сказал, что именно в этом месте мне что-то откроют. Странное чувство, не правда ли?

– Ты в чувстве не ошибся, но этот разговор мы отложим до конца обеда – слишком непростая тема нам предстоит, так что давай сначала поедим. Бери ложку.

– О! очень вкусно... вы умеете готовить.

Суп был действительно недурен.

– Ты лучок бери и присаливай, может быть, я недосолил.

– На соль нормально. Мне почему-то не дает покоя другое... у меня не выходят из головы ваши слова.

– Неужели?

Старик смотрел на меня с улыбкой.

– Вы сказали, что у нас должен быть разговор, и это не выходит у меня с головы.

– Э, оставь. Право, милый, оставь. Давай вот я тебе лучше историю расскажу. Он начал рассказывать, не забывая при этом опускать ложку в тарелку.

– У одного человека было два сына, и он решил разделить имение свое между ними. Один из сынов, получив свою часть имения, остался при отце, – ухаживать, так сказать, за отцовскими сединами. Другой сын, забрав прилегающую ему часть отцовского удела, ушел в другую страну и там распустил все, что у него было, являясь с пьяницами и блудницами. И настал в той стране голод, и сей юноша мечтал о том, как бы напитать чрево свое хотя бы тем, что обычно предназначалось для свиней, но и этого ему не давали. Тогда воскликнул он в сердце в своем: «У отца моего много наемников и каждый из них всегда сыт. Пойду я к отцу моему и скажу: согрешил я перед небом и землей, и уже не достоин быть сыном твоим, прими меня в число наемников своих». И пошел юноша к отцу. И увидел его отец и возрадовался. И принял отец сына в дом свой. И жили все они долго и счастливо.

Старик внезапно замолчал, медленно взял в руки краюху хлеба, отломил от нее добрый кусок, посыпал его солью и снова принялся за суп.

– Знаешь, что во всей этой истории меня больше всего занимает? – проговорил старик минуту спустя.

– Нет. Откуда же мне знать...

– Меня всегда занимал вопрос: что если этот блудный сын после прощения возьмет и обкрадет своего отца, и снова все прогуляет, и снова раскается, и опять пойдет к отцу прощения просить. Простит ли его отец во второй раз? А в третий? А в четвертый?

– Мне кажется, что он его всегда простит.

– Ты вот говоришь, что отец всегда простит сына; в таком случае: «да здравствует безнаказанность», ведь любые проступки, при таком положении вещей, превращаются в чистую формальность – все равно, в конечном счете, простят.

– Не знаю, я об этом никогда не думал.

– У этой истории может быть еще один конец.

– Какой?

– О, это фатальное разрешение вечной истории: сын, сто раз просивший прощения у отца, вдруг устыдится идти и просить прощения в сто первый раз, ибо так ему гадко станет от своего нечестия.

– И что тогда?

– Да ничего особенного; у сына две дороги: либо он станет святым, либо пожнет ад.

– А что будет с отцом? – спросил я старика.

– Отец пойдет искать сына – это уж обязательно... хотя, от него в этом случае мало что зависит.

– А почему так?

– В нравственном совершенствовании посредников не бывает, ибо говорить «нет или да» нужно всегда самому, вот почему от отца мало что зависит. Видишь ли, каждый сам решает, кем ему лучше оставаться – свиньей или человеком. Никакое прощение, в этом случае, ничего не решит. Если прощают нераскаявшегося негодяя, то он будет после этого, лишь прощенный негодяй, и не более того. А если негодяй переделает себя из плохого человека в хорошего, если он станет праведным человеком и честной жизнью докажет что ошибки прошлого всего лишь ошибки прошлого, так зачем ему после этого прощение? Прощение не простая вещь. Прощение, ежели оно не своевременно, может оказать человеку медвежью услугу; сняв с человека бремя ответственности посредством прощения, можно оставить человеческую совесть без необходимого топлива полезного для духовного роста. В то же время несвоевременное отсутствие прощения может на веки искалечить человека. Как же быть? Один Господь знает, как и когда прощать, а человек все равно будет поступать по велению своего сердца и так, как подсказывает ему насущная ситуация, однако, всякому человеку лучше перепростить, чем недопростить.

Все что говорил этот фантастический старик, как-то вдруг навалилось на меня и повергло меня в задумчивость. Мне почему-то показалось, что и говорил-то он с намёком, я, разумеется, не стал ему на это указывать, потому что не совсем был в этом уверен.

Между тем старик встал из-за стола и подошел к вязке, висевшего и сушившегося здесь, коричнелистового табака. Отломив несколько сухих, издававших шелест листочков, он сказал:

– После обеда и святые закуривают.

Старик сел за стол. Я, молча, следил за тем, как он измельчал табак, аккуратно перетирая его щепетильными движениями пальцев. Потом он достал из кармана трубку и стал её не спеша набивать.

– Скоро монахи придут, нам до их прихода нужно обо всем переговорить, – сказал старик и запалил трубку. В это мгновенье лицо его выражало блаженство.

– Какие монахи? – удивленно спросил я; мне почему-то казалось, что здесь, на сто миль вокруг, кроме нас двоих никого нет.

– Здесь монастырь недалеко – мужской; монахи приходят ко мне в сад собирать фрукты для своего стола, а взамен приносят мне муку, соль и прочее, – пояснил старик и, выпустив изо рта густое облако голубоватого дыма, заговорил шепотом. – Я тебе объясню почему ты здесь и почему твое сознание в таком состоянии, я тебе все объясню, ты только внимательно слушай. Видишь ли, когда-то давно, Бог, сотворив мужчину и женщину, поселил их в раю; но они, вкусив от плода познания « добра и зла» лишились райского блаженства, променяв его на изменчивую суетность жизни, которая наполнена если радостью, то и скорбью, если смехом, то и слезами, если наслаждением, то и болью. В конечном итоге многие люди так безнадежно запутались в путях своих, что их жизнь стала представлять собой всецельную и непрерывную цепь горя, зла и страданий. И поэтому премудрый Бог, по безграничной милости своей, даровал забвение всякому покинувшему мир грешнику, для того, чтобы каждый переступивший загробную черту, мог предстать пред Его лице и не сгореть в огне геенны от собственного стыда за недостойно прожитую жизнь. Но Господь не хотел лишать человека свободы, поэтому каждому предлагается выбор: либо жить, как «ангелы небесные» в раю, навсегда забыв прошлое познание о добре и зле – словно несведущий младенец; либо прочитать «книгу собствен-

ных грехов» и претерпеть уготованное – испив, так сказать, чашу до дна, но после этого, быть может, стяжать славу большую, нежели имеют ангелы, а может быть, пожать ад. Ты умер, мой друг, понимаешь – умер! Иначе говоря, перешел из одного мира в другой. Поэтому, мой мальчик, тебе должно сделать выбор между безмятежным неведением и абсолютным познанием.

Слова этого старика были так странны, что я на какое-то мгновение совсем растерялся. Да и что я мог в то время решить – ведь я был словно младенец.

– Ты не принимай это так близко к сердцу, – начал утешать он меня, очевидно догадавшись о моем настроении. – В конце концов, будет то, чему должно быть.

– Что же мне теперь со всем этим делать?

– Знаешь, мне не хочется влиять своими советами на свободу твоего выбора, но, поверь мне, твое сердце, когда наступит время, само решит в какую сторону идти. Сейчас иди, – погуляй по саду. Это успокоит твои мысли. А мне еще надо со стола убрать, хочу успеть до прихода монахов.

Я оставил старика и пошел в сад. После такого разговора мне действительно нужно было основательно развентиться, – ничто так не способствует этому, как хорошая прогулка. Да и день к тому же был удивительно хорош. Солнце, просвечиваясь сквозь листья деревьев, бросало на землю трепещущую светотень; ветер, путаясь в ветках, разливал по саду нежную мелодию шелеста листвы. Откуда-то доносилось чириканье воробьев и монотонное гудение горлицы. Все, вплоть до последней былинки у меня под ногами, было проникнуто спокойствием и умиротворенностью. «Какая все-таки благодать вокруг! – в упоении думал я, наслаждаясь безмятежностью дня и спокойствием окружавшей меня простой и вечной красоты, – И зачем мне делать какой-то выбор?» Я поднял голову и долго смотрел на небо. Небо было голубым, почти синим, оно казалось распахнутым, глубоким и чрезвычайно прохладным. «Зачем мне знать свое прошлое, если за это знание нужно заплатить настоящим и будущим? – спрашивал я себя и в глубине души, не без удовольствия ощущал, что свой выбор я уже сделал, – Жить, просто жить! Ходить по этому чудесному миру и наслаждаться небом, птицами, деревьями, встречами с новыми людьми. Безмятежно засыпать с мыслью о том, что прожил прекрасный день и радостно просыпаться, зная,

что новый день будет не хуже дня вчерашнего. Да, это венец всех желаний!

Больше ничего и не нужно. Старик говорил, что я умер – пусть так. Какое мне теперь дело до всего, что не касается моего нынешнего счастья? Если Богу угодно было даровать мне дар забвения, а вместе с ним радость рая, то зачем же мне отказываться от этого?»

Размышляя обо всем этом, я, между тем, дошел до колодца. Цветущий персик снова привлек мое внимание своей нежной красотой и трепетной прозрачностью розовых лепестков на своих молодых ветках. «А не поспать ли мне под этим чудесным деревом?» – спросил я себя, чувствуя во всем теле призыв ко сну и какую-то, неведомо откуда взявшуюся, усталость. Я улегся под деревом, головой опершись на ствол, и замер от восхищения.

Случалось ли вам лежать под сенью цветущего персика? Сначала все кажется обычным: ствол, ветки, цветы... Но проходит время и иллюзия однообразной картинки производит перед вашими глазами удивительную метаморфозу. Все меняется, и вот вам уже кажется, что вы лежите под каким-то огромным, разлапистым древом жизни. Вы видите, как ветерок шевелит лепестки цветочков и вам кажется, что дерево дышит. Вы видите блеск коры на молоденьких веточках и начинаете ощущать, как через корни по стволу движутся молекулы воды. В конце концов ваши глаза слипаются, и вы погружаетесь в сладкую и упоительную дрему, на дне которой радужные сновидения, переплетаясь с персиковыми ветками, толкают ваше сознание в желанный и вязкий сон.

Не знаю, сколько я спал, но помню, что снилось мне что-то нежное и приятное, как будто флейты или сопилочки.

Когда я открыл глаза, то, неожиданно для себя, увидел рядом с собой сидящего и внимательно рассматривающего меня человека в черной рясе.

У этого человека было какое-то бескровное, ужасно бледное лицо, впрочем, с весьма ухоженной рыжей бородкой и такими же рыжими волосами, которые были перевязаны на затылке – пучком в хвост. Примечательной особенностью этого лица являлись по-рачьи выпуклые, светлые, водянистые, любопытные и колючие глаза.

«Глаза, как у паука!» – мелькнуло у меня в уме.

– Так ты и есть тот самый ангел? Я тебя несколько иначе представлял, – произнес человек с паучьими глазами, внезапно прерывая молчание.

«А, это наверно один из тех монахов, о которых говорил старик» – подумал я, совершенно не обращая никакого внимания на слова этого человека.

– На твоём месте я бы не очень праздновал и расслаблялся, – снова заговорил он, – ты слишком доверчив к словам этого выжившего из ума дедугана.

– Я что-то не пойму о чем вы...

– Я говорю о той ситуации, в которую ты попал, – довольно бесцеремонно перебил он меня, – неужели так трудно понять, что у тебя были отец и мать – не из воздуха же ты взялся?! Как можно жить, совершенно не интересуясь тем прошлым, из которого ты соткан? Может быть, у тебя были братья, друзья, жена которую ты любил, дети? И вместо того чтоб узнать об этом, ты, утешенный словами старого маразматика и убаюканный собственным неведением, спокойно спишь под деревом.

Незнакомец поднялся с земли и резкими движениями рук стал отряхивать пыль с полов рясы.

– Мне пора уходить, – сказал он, не глядя на меня, – книга, из которой ты все узнаешь, лежит у старика в доме. Я думаю, наш разговор останется между нами, не так ли?

Он взглянул мне прямо в глаза, затем приложил руку к груди, поклонился и, не сказав более ни слова, пошел прочь.

Некоторое время я смотрел на удаляющуюся фигуру этого монаха, пока мелькание черной рясы не исчезло за деревьями.

«И какое ему до меня дело?» – спросил я себя вслух. «Ах, да... мое прошлое! Я все забыл! Как же быть? Старик?! Монах говорил, что я не должен ему доверять. Почему? Почему тогда я должен верить этому монаху?»

И кому вообще я могу верить? Что же делать? Ах, да... книга! Книга в доме. Я должен все узнать». – Целый рой мыслей загудел в моей голове, не оставив от моей безмятежности и следа. Если бы в ту минуту я имел способность обобщать и анализировать явления причин и след-

ствий, то мне бы сразу стало понятно, что хаос, воцарившийся у меня в голове, был результатом посеянного в моем сердце сомнения и соблазна. Сеятелем же был человек в черной рясе.

Итак, нужно было что-то решать. Нужно было действовать, так как всякое промедление тяготило меня беспомощностью пассивных рассуждений, которые вызывали в моей голове жуткую сумятицу. Поэтому-то я решил пробраться в дом и прочесть книгу, о которой говорил монах. «Только бы старик не заметил», – подумал я, заранее представляя себе неловкость ситуации, которая могла бы возникнуть в том случае, если бы хозяин уличил меня в том, что я, без его ведома, шастаю у него в доме.

«Только бы не заметил, только бы не заметил» – шептал я про себя, идя по саду и прилежно высматривая, где бы мог находиться старик, намериваясь,

в случай чего, принять вид просто прогуливающегося человека. На свое счастье, я вдруг увидел старика стоящего в глубине сада. Он о чем-то оживленно разговаривал с тремя монахами, один из которых был моим давешним знакомым. Я был от них в двадцати шагах. Старик стоял ко мне спиной. «Хоть бы не обернулся» – мелькнула во мне, как молния, пугающая и явно греховная мысль. Он не обернулся, но в это же мгновение мне вдруг показалось, что тот самый, искусивший меня монах, подмигнул мне своим паучьим глазом. Я, отвернув голову, быстро пошел к дому. Нужно было торопиться. Подойдя к порогу, я воровски оглянулся: «Никто не видит?»

Вокруг было тихо и спокойно: также дул легкий и приятный ветерок, также светило солнце, также где-то ворковала горлица – только в груди моей напряженно и взволнованно стучало сердце. Я вошел в дом. Первая комната (прихожая) была пуста, и в ней ничего не было, кроме лежащей на полу циновки и стоящей под стенкой длинной скамейки. Дверь во вторую комнату была закрыта. Я легко нажал на дверную ручку, и дверь, издавши жалобный скрип, отворилась. Войдя в комнату, я сразу стал осматриваться. Комната была пуста и просторна; кроме стола, на котором стоял бронзовый семисвечник, и лежала книга и коробка спичек, и кроме стула стоящего перед столом, никакой мебели в комнате не было. Еще в комнате был какой-то удивительно приятный аромат: пахло то ли сандаловым деревом, то ли ладаном, и еще чем-то редким и непередаваемым. Ставни были открыты, и в комнате было довольно светло. Я прикрыл за собой дверь и подошел к столу. Книга, большая, старая, в каком-то древнем кожаном переплете, лежала передо мной и ждала своего читателя. Я сел на стул. На моем лбу, от волнения, выступил пот – мучительно захотелось, вдруг, ничего не читая, выбежать из комнаты прочь. «Нужно успокоиться и взять себя в руки», – подумал я и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы унять сердцебиение. Но волнение мое не только не прекратилось, а еще более усилилось, усилилось каким-то внезапным чувством страха, который вдруг обрушился на меня, как снежная лавина. Кому в жизни случалось принимать роковые решения, равно как и тому, кому доводилось проходить по тонкому бревну через бездонную пропасть, хорошо будет понятно то чувство, которое я испытал тогда, когда смотрел на ту фатальную книгу. Нужно было на что-то решиться, но... не было сил. Я закрыл глаза и несколько минут сидел, пытаясь сосредоточиться и понять, чего же я все-таки хочу. «Может быть, у тебя были братья, друзья, жена которую ты любил, дети?» – вспомнил я слова человека в монашеской рясе. «Ну, что же... медлить больше нечего!» – проговорил я про себя с каким-то вызовом и открыл книгу. На первой странице толстым шрифтом и какой-то древней, вычурной вязью было написано:

Жизнь и грехи раба Божьего Андрея

«Что за ерунда?.. Как такое может быть?» – прошептал я себе под нос, чувствуя невероятное удивление. Дрожащей рукой я перевернул страницу. Дальше все было написано от руки – живым человеческим почерком. Я принялся читать:

«Мое полное имя Андрей Петрович Кольцов. На земле я прожил 32 года, 7 месяцев и 9 неполных дней. Первый свой грех я совершил в пятилетнем возрасте. Это было...».

Все заволочлось у меня перед глазами. Буквы и слова плавилась и кружились передо мной, наполняя мое пустое сознание плотной горечью прошлого. Все померкло. Только огненные страницы книги светились ярким светом реальности, очерчивая в моей памяти те контуры и изгибы, которые волей проведения были преданы забвению. Не знаю, долго ли я читал, да и было ли это вообще чтением. Вся жизнь моя, со всей мелочной неповторимостью своих тончайших деталей, все события этой жизни, всё содержание моего прошлого, вплоть до мелочных его фрагментов – всё воскресло передо мной. Как будто какая-то осепительно-яркая комета пронеслась у меня перед глазами, опалив сознание моё огнем познания добра и зла.

Я всё вспомнил

Жизнь моя была, если можно так выразиться, классической судьбой простого наркомана. Раннее детство свое описывать не стану, ибо оно представляет собой до того нечто непонятное, что это и передать толком невозможно, впрочем, мне кажется, что и тогда я был не вполне невинным ребенком. Вообще-то, детскую невинность, по-моему, преувеличивают. Может быть, это первородный грех, передающийся от ауры к ауре, может быть, прошедший через гены половой инстинкт, – не знаю, впрочем, что, – но, есть нечто такое, что открывает детям глубины греха и порока. Дети многое знают и понимают, иногда даже и делают, только в отличие от взрослых у детей все происходит от желания познать внешний мир, а не от развращенности. Многие свои детские грехи я сделал случайно. Когда же я стал старше, «случайное» уступило место похоти эгоизма. Я воровал все что можно и где только можно, дрался при любом подвораживающемся случае, курил с приятелями с лукавым озорством собранные недокурки. Мы тогда были детьми, однако же, не смотря на это, наши детские игры напоминали иногда быт жителей Содома и Гоморры. Да это все было и было в сердцах двенадцатилетних ребят. Когда же я стал чуть старше то, естественно, расширил грани своего падения: вино, марихуана, клей и таблетки, – стандартный список средств через который можно получить кайф, – и это все в руках зеленого подростка. В то время я до умоисступления мечтал о женщинах, но возможности обладать женщиной у меня, конечно же, не было, и я предавался тому пороку, который обычно распространен в подобных случаях. Школу я закончил с грехом пополам – к тому времени я уже подсел на иглу. Игла всегда требует денег и поэтому всякий наркоман, как правило, вор. Я тоже не был исключением, и за это в девятнадцать лет попал в тюрьму.

Тюрьма не сделала меня лучше, хотя, сидя в тюрьме, я дал себе слово, что с выходом на свободу начну новую жизнь. Этому благородному намерению так и не суждено было осуществиться – игла снова засосала меня. Потом был второй срок – тоже за воровство. Отсидев вторично, я вышел на волю, имея на себе, кроме пережитого горького опыта, еще и подхваченную в тюрьме болезнь. У меня был туберкулез. Нужно было лечиться, но мне этого не хотелось. Не хотелось же мне этого потому, что я тогда просто озлился – озлился на себя и на весь мир. Я прекрасно понимал, что если я брошу весла и поплыву по течению, то проплаваю года два, максимум три.

«Ну и черт с ним! – думал я со злостью. – Быстрее подохну, лучше будет».

В это же время я для себя, по-настоящему, открыл водку. Водка мирила меня с миром. Водка делала из меня пьяного философа и смиренного агнца, но за это я должен был сурово расплачиваться. Буквально за два года из меня получился заправский алкоголик. Родные

от меня отвернулись, и я очутился просто на улице. С моей болезнью долго существовать под открытым небом я не мог: так оно в конечном счете и вышло – я не пережил и одной зимы.

Смерть моя была обычна до наивности. Я помню, что было холодно... очень холодно. Уже месяц я кашлял кровью, но за последнюю неделю крови стало отхаркиваться все больше и больше – очевидно болезнь обострилась и, приняв скоротечный характер, вошла в свою последнюю стадию. Я чувствовал это еще и потому, что ощущал во всем теле пылающий жар.

В эти последние дни мне как-то не везло: подвал, в котором я ночевал, – закрыли; поэтому предпоследнюю ночь я пережил на улице, а последнюю коротал в каком-то подъезде. О, эта последняя ночь была подлинным кошмаром. Меня всё время бил озноб; я чувствовал, будто в груди моей торчит раскаленный прут железа и мешает мне дышать – очевидно к туберкулезу подключилась простуда. Мучительно хотелось кашлять. Однако, кашлять так, как обычно кашляют люди, мне было нельзя, так как в подъезде, по причине ночной тишины, была хорошая слышимость, и я мог бы привлечь к себе внимание кого-нибудь из добропорядочных жителей квартир, и меня бы выгнали на улицу, словно шелудивую собачонку. Идти на улицу в таком состоянии мне мучительно не хотелось, поэтому я себя кое-как сдерживал, пытаюсь, по возможности, откашливаться как можно тише и как можно реже. В голове моей, временами, всё мутилось, я несколько раз засыпал, впрочем, ненадолго, и всякий раз просыпался, дрожа от холода. Временами я бредил и не мог понять, где я нахожусь. Мне казалось, что этот серый подъезд и лестница, на которой я сижу, и раздражавшая меня своим желтым светом лампочка – никогда не закончатся и вечно будут моим проклятьем. Под утро мне приснился сон. Мне снилось, что я лежу привязанный к кровати в какой-то ужасной и мрачной комнате с серым низким потолком и со стенами в желтых обоях – весьма, впрочем, дрянных, во многих местах засаленных и пузырящихся отставанием от стен. В комнате, кроме меня, находился еще какой-то человек со строгим и каким-то чисто плотным выражением лица, одетый так же, как одевались Петербургские франты девятнадцатого века Пушкинской эпохи: перчатки, жилет, фрак и т. д. и т. п. Господин этот стоял возле меня и скручивал в руках своих черный упругий кабель, которым обычно пользуются при подключении телевизионных антенн. Понимая, что он сейчас будет меня бить, я начинаю совершенно по-детски молить его о пощаде: « Папочка прости! Папочка не надо!.. Я больше не буду!» – прошу я его изо всех сил, пытаюсь достучаться к его доброте. « Я тебе, гаденыш, покажу папочку!!! – кричит он на меня, – ты тварь, ты вонючий выродок! О, если бы ты знал, как я тебя ненавижу! Я буду бить тебя до тех пор, пока не устану; а потом я возьму раскаленный утюг и буду жечь тебя им, покамест ты не подохнешь!» Я лежу и буквально задыхаюсь от страха. Меня сотрясает лихорадочная дрожь. В этот момент в комнату входит нагая и ослепительно красивая женщина. «Успокойся дорогой, – обращается она к злому господину, – выйди на минутку, я с ним сама разберусь». Видимо эта женщина имеет над этим маньяком неограниченную власть. Он без возражений выходит из комнаты, не забыв, однако же, с ненавистью посмотреть на меня. Женщина подходит ко мне, наклоняется к моему лицу и начинает меня целовать. Наши языки встречаются, все тонет в блаженстве, но вдруг... я ощущаю, как её язык начинает залазить мне в горло. Она отстраняет от меня свое лицо, и я с ужасом вижу, как из её рта выползает черная толстая змея, голова которой уже находится у меня в глотке. Я задыхаюсь, пытаюсь вырваться, но ничего не могу сделать. В порыве отчаянья я изо всех сил стискиваю зубы, чтобы перекусить эту гадину, и просыпаюсь.

Тусклый свет просачивается на лестничную площадку сквозь маленькое окошко. Наступило утро. Последнее утро моей земной жизни.

Шатаясь от слабости, я вышел из подъезда. Идти мне было некуда, но мне надо было пройти, чтобы разогреть окоченевшие за ночь члены. Дул холодный ветер. Небо было серым и безрадостным. Все вокруг казалось мне мрачным, холодным и унылым. Прохожих почти не было – так, два-три человека, у одного из которых я стрельнул сигарету. К моему удивлению

мне не отказали. Курить на ходу мне не хотелось, к тому же я невероятно ослабел, так, что едва держался на ногах. «Нужно где-то присесть», – подумал я и стал оглядываться по сторонам, в надежде увидеть по близости скамейку. «Черт бы побрал эту жизнь! Скамейки, когда надо, не найдешь!..», – воскликнул я в сердцах и грубо выругался. Тут мое внимание привлекла одна подворотня – в сущности это был проход во дворы между двумя многоэтажными домами. «Зайти туда что ли? Там и ветер не так дует», – проговорил я вслух и медленно побрёл к подворотне, с трудом преодолевая слабость. Мне не суждено было туда дойти: мучительный приступ кашля остановил меня на полдороги. Я стоял и, содрогаясь от мук, отхаркивал на белый снег свою тёплую кровь. Вдруг что-то взорвалось у меня внутри и загудело во всем теле едкой, жгучей болью – это смерть коснулась меня своим грозным перстом, и от этого прикосновения я полетел в снег с разорванным сердцем, сжимая в грязной руке своей так и не выкуренную сигарету.

* * * *

«Да... это было именно так!..» – прошептал я и оглядел непонимающим взглядом комнату. Книга, время, жизнь, смерть, да и я сам – всё потеряло свои границы и, вместе с тем, приобрело какое-то другое, более понятное значение. Я всё вспомнил и всё понял. Ничего неясного для меня не осталось. Один только вопрос занимал меня теперь больше всего остального: как теперь жить и что же теперь делать? «Нужно поговорить со стариком». – Подумал я и встал из-за стола. Здесь мое внимание привлекла коробка спичек, лежавшая на столе возле подсвечника. «Пригодятся». – С наивной наглостью подумал я и, всунув спички в карман, вышел из комнаты.

«Что за ерунда!.. черт!.. этого не может быть!» – были мои первые слова после того, как я вышел из дома на двор. Вместо тенистого фруктового сада передо мной лежала и тянулась в необозримую даль раскалённая песчаная пустыня. Вместо земли с сочной травой у меня под ногами был сухой желтый песок. Я оглянулся назад и с ужасом увидел, что дом исчез так же, как и сад. Вокруг меня не было ни чего, кроме бесконечной вереницы тянующихся, гряд за грядой, барханов. Только на небе, как и прежде, не было ни облачка, и все так же ярко светило ослепительное солнце.

Ужас и страх охватили меня. Я начал кричать и звать на помощь. Со мной произошла истерика. Я бегал из стороны в сторону; я взбирался на песчаные барханы, в надежде с их высоты увидеть привычную для меня живую и полную растительности землю. Но все было тщетно. Пустыня неумолимой правдой расстилалась у меня под ногами.

«Кто знает, какова эта пустыня и можно ли из неё выбраться?» – Спросил я себя после того, как основная волна паники прошла, и я вновь обрел хоть какую-то способность кое-как соображать. «А вдруг я не выберусь и умру от безводья?» – Тут же мелькнула во мне нелепая мысль, снова возвращая меня в прежнее безумно истерическое состояние. Я сел на горячий песок и принялся напряженно обдумывать сложившуюся ситуацию. Вариантов спасения было мало. Единственным выходом из этого весьма неприятного положения, было идти, куда глаза глядят, с надеждой, что повезет добраться к воде, либо к человеческому жилью, либо набрести на караван. Потратив немало времени на эти размышления и решив, что больше думать нечего, я встал и, преодолевая сыпучую вязкость раскаленного песка, побрел на север.

Так как все мои мысли были направлены на одну цель – физическое спасение, то, естественно, мной было не принято никакой попытки, шаг за шагом рассмотреть ретроспективу моего столь необычного попадания в эту, неизвестно откуда взявшуюся и загадочную, пустыню. Это была ужасная ошибка, за которую я впоследствии заплатил многими страданиями.

Итак, я шел, шел по песку. Шел вооруженный всего лишь крохотной надеждой на спасение и жалкими остатками мужества. После нескольких, как мне показалось, часов пути, силы

мои стали иссякать. Немилосердно палящее солнце, разрезав небосвод на пополам, стало клониться к закату. Мучительно хотелось пить. «Все, хватит! Привал, – сказал я самому себе, – нужно отдохнуть и отдышаться».

Жажда была дикой. Я лег на песок, стараясь не думать о воде. « Подожду до вечера, пока солнце сядет, а там снова пойду», – рассуждал я про себя, тщетно пытаюсь не думать о мучавшей меня жажде. «Выберусь, не может такого быть, чтоб я не выбрался», – утешал я себя. «Ну, а что если не получится? – прошептал во мне какой-то тихий и зловещий голос, – что если эта пустыня окажется непреодолимой?»

– О, Господи, неужели я здесь умру?! – воскликнул я вслух.

«Как же я могу умереть, если я уже умер? Может быть, я не умер? Что же это? Сон? Неужели всё это мне снится?» Эти вопросы облепили мое растрепанное сознание, словно назойливая мошкара. Внезапно в моей голове, ослепительной молнией, сверкнула ужасная мысль: «Что если это ад?» Предположение было настолько пугающим и неожиданным, что я, от волнения, вскочил на ноги и, нарушая громким голосом безмолвие пустыни, заговорил вслух:

– Как же я сразу об этом не подумал?! Мне же старик еще тогда говорил, что будут мучения!!! Что же это я?..

«Да, эта пустыня... ведь это ад! – продолжал думать я, все более и более уверяясь в правильности своих рассуждений. – Это кара, кара мне за мои грехи – и это несомненно! Неужели мои грехи столь велики, что меня за них надобно было кинуть в эту страшную пустыню? Неужели я такой страшный грешник? Что, что я сделал не так? Я жил, жил как все – так действительно многие живут! А теперь оказывается, что мне одна дорога – в ад! Не верю! Этого не может быть! Но ведь это есть. О, Боже!!! Ведь вот я, придавленный неотразимой логикой факта, сижу в какой-то безлюдной пустыне и, испытывая жажду, пересыпаю песок из руки в руку. Это правда, неумолимая правда, но... но ведь это ужасно! Должна же быть какая-то причина, в конце концов?!» Неожиданно для меня, во мне вдруг заговорило что-то другое, может быть, это был голос проснувшейся совести. «Причина? Ты ищешь причину? – говорил этот голос, – разве то, что ты всю жизнь прожил как скот, и не чем иным, кроме своего скотства, не интересовался, разве это не достаточная причина? Сделал ли ты хотя бы кому-то что-то доброе?» Не успела эта мысль должным образом обрисоваться у меня в сознании, как во мне уже вспыхнула лютая и бешеная ярость. Я заметался, как раненый и разъяренный тигр, оглашая немую окрестность бранью и сбивчивыми восклицаниями. «Пошли вы все вон!!! Я вас знаю!!! – кричал я кому-то, – вы хотите навесить мне на шею вечное покаяние и унижение?!! Какие вы, дескать, все хорошие, и какой я, дескать, плохой?!! Твари!!! Мрази!!! Не хочу, не хочу!..» Я упал на песок и обхватил голову руками, до скрежета стискивая зубы. Время от времени из уст моих вылетали, разряжая воздух, грубые ругательства. Прележал я на песке довольно долго; так долго, что когда я открыл глаза, на землю уже опустились сумерки.

Дневной жар разбавился вечерней прохладой и на темнеющем небе показались первые звезды. Жажда моя почему-то прошла, но нестерпимо разболелась голова. Сетуя на свою судьбу и периодически поругивая головную боль, я еще некоторое время бодрствовал, в муках ворочаясь на теплом песке, покамест не забылся сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.